

А.Р. Булатова

Концепция высшей ценности личности в философии Н.А. Бердяева в контексте французского персонализма первой половины XX в.

Булатова Альбина Ринатовна – аспирант школы философии факультета гуманитарных наук. НИУ ВШЭ. Российская Федерация, 105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; e-mail: abulatova@hse.ru

В статье исследуется творческое наследие выдающегося русского мыслителя Николая Александровича Бердяева (1874–1948) периода эмиграции. Обосновывая персонализм в своей религиозной метафизике, он настаивал на высшей ценности богочеловеческой личности как образа Божьего. Коммюнитарный персонализм Бердяева оказал значительное влияние на философские поиски французских интеллектуалов, представителей экзистенциализма и католического модернизма. В статье выявляются религиозно-философские источники творчества Бердяева и его европейских контрагентов, описано их плодотворное общение и взаимообмен идеями. Автор осуществляет попытку воссоздать в рамках статьи интеллектуальный контекст эпохи. Одна из главных целей работы – показать пути философского диалога между Бердяевым как наиболее ярким представителем русской мысли, признанным на Западе, и католическими философами-персоналистами. В статье также рассматриваются онтологические особенности метафизического учения Бердяева и его социальные проекции.

Ключевые слова: метафизический персонализм, экзистенциализм, духовный универсализм, христианская эсхатология, неотомизм, религиозное творчество, свобода

Наследие наиболее известного на Западе русского философа Николая Бердяева, формально «вернувшееся» в Россию, но прочитанное не до конца, требует целостного рассмотрения при всем внимании к отдельным аспектам его философии. Представляется, что в современной научной литературе все еще сравнительно мало исследований, которые подчеркивают богатство его философских идей, раскрывающих проблему смысла существования человека и столь необходимых находящемуся в духовном кризисе человечеству.

Целью статьи является определение степени влияния мыслителя на развитие персоналистского течения во Франции первой половины XX в., а также выявление принципиальных различий в философском и социокультурном аспектах учений о личности, разработанных Бердяевым и его французскими коллегами, – различий, отразившихся и на понятийно-терминологической стороне их мирозерцания¹. После двухлетнего пребывания в Берлине, именно в Париже – Клармаре с 1924 г. у Бердяева началось интенсивное общение с зарубежными мыслителями, в котором наиболее важное значение для него имели встречи с западными христианами, что

¹ Э. Мунье не относил персонализм к оформленному течению, или системе, считая его тенденцией, направленностью философского дискурса. Систематическое развитие мысли не было свойственно и Бердяеву: философ характеризовал себя как мыслителя «исключительно интуитивно-синтетического» типа [Бердяев, 2015, с. 260].

способствовало его философскому творчеству. За двадцать пять лет жизни Бердяева в изгнании его работы были переведены на четырнадцать языков; он получал сочувственные письма со всех концов мира, имел почитателей в Чили, Мексике, Бразилии, Австралии, не говоря о странах Европы. Витальная энергетика, европейское начало, блестящие герменевтические способности – это лишь некоторые из его личностных качеств, которые, по наблюдениям современных исследователей, сформировали знаменитый универсализирующий персонализм свободы и способствовали миссии «идеального медиатора» [Красиков, 2007, с. 11–12] проблематики русской религиозной философии между российской и западноевропейской культурами мышления.

Мыслитель называл свою философию экзистенциальной, или религиозной, «на которой отпечатались резко индивидуальные черты» [Бердяев, 2015, с. 308]. Он настаивал, что религия не может быть загнана в далекий угол, но должна достигать онтологически-реального преобразования жизни [Бердяев, 1990, с. 173–174]. Персонализм Бердяева, пережившего события мирового и исторического процесса своего времени как часть своего духовного пути [Бердяев, 2015, с. 9], основан на эсхатологическом переживании христианства, его мессианства – на понимании религиозного долга как участия «во всеобщем спасении мира и всего живущего» [Бердяев, 1989, с. 190].

Как пишет Оливье Клеман, дающий в своих работах богословскую интерпретацию идей мыслителя, в эмиграции Бердяев продолжил обоснованно отстаивать свою позицию обновленного христианского сознания. По его утверждению, Бердяев сохранил верность своему призванию пророка, укорененного в православной традиции, оставаясь чуждым возникшим среди русской эмиграции неопатристическому движению и увлечениям церковной мистикой, – однако при этом все же подвергся критике со стороны отдельных представителей «православного фундаментализма» [Clément, 1991].

Ортодоксальные русские мыслители порой резко критиковали социально-религиозные проекты Бердяева. «Без соли духовного истинного смирения невозможно никакое христианское творчество. Христианское творчество, не осолоненное осолоенное (проверить цитату) смирением, это – *contradictio in adjecto*», – утверждал архиепископ Иоанн (Шаховской) [Шаховской, 1931, с. 57]. Между тем, по воспоминаниям Л. Бердяевой, после окончания обсуждения книги «Дух и реальность» в 1940 г. на съезде, «устроенном французами в одном *chateau* вблизи Парижа» с участием Г. Марселя, В. Лосского, Н. Полторацкого и др., Бердяев произнес: «Критикуют и обсуждают не по существу, а по мелочам. И, кроме того, чувствую, что меня плохо понимают. Не понимают того, что вся моя философия основана на христианстве» [Бердяева, 2002, с. 202–203]. В то же время на Западе, по признанию мыслителя, его ценили больше, чем в русской среде. Принесший на Запад свои «русские идеи», которые были вместе с тем универсальными, он характеризовал себя как универсалиста по своему жизнепониманию [Бердяев, 2015, с. 295].

Катастрофы эпохи как вызов христианскому миру

Персоналистские проблемы поднимались задолго до начала XX столетия – Сократом, Платоном, Лейбницем, затем осмысление гуманистической традиции в истории философии продолжилось Кантом, а впоследствии концепция личности как первичной творческой реальности получила развитие в трудах Кьеркегора, Достоевского, Шелера, Бергсона, Бердяева, Маритена, Марселя и многих других значимых философов XX в. Хотя именно христианские мыслители, трактовавшие личность, призванную к творчеству нового, как образ Божий, придали персонализму религиозную основу. Как религиозно-философское направление в интеллектуальной жизни США, Европы и России персонализм формировали последовательные учения о

личности, имевшие свои печатные органы и объединения. В центре американского персонализма, основанного в конце XIX в. Б.П. Боуном, находится религиозно-этическая проблематика и моральное самосовершенствование граждан, без которого невозможна общественная гармония. Импульсом к развитию персонализма во Франции в кризисные 1930-е гг. стало левокатолическое движение «Esprit»² с одноименным журналом во главе с его основателем Эмманюэлем Мунье, выступившее с идеей создания философского учения о личности как главной заботе общества – учения, потребность в котором обостряется из-за последствий общего кризиса буржуазной цивилизации. Как замечают современные исследователи, философская доктрина Бердяева оказала значительное влияние на создание журнала «Esprit», а также содержание и стиль публикуемых в нем материалов [Pavlov, 2013, p. 313].

В контексте истории русской философской мысли истоком эсхатологического персонализма Бердяева являются вопросы о трагическом столкновении личности и мировой гармонии, поставленные одним из наиболее близких ему глашатаев религиозной свободы – Ф.М. Достоевским; особую важность для метафизических построений Бердяева имела проблематика «Легенды о Великом Инквизиторе». В ней мыслитель видел вершину творчества «художника ужаса», как он назвал Достоевского. «Когда мне возражали против того, что свобода есть основа христианства, то я воспринимал это как возражение против моего самого первоначального принятия Христа и обращения в христианство. Отречение от бесконечной свободы духа было для меня отречением от Христа и от христианства, принятием соблазна Великого Инквизитора» [Бердяев, 2015, с. 211], – поясняет философ.

Особый, во многом центральный, смысл в персоналистских построениях Бердяева представляет коммюнитарность³, т. е. «братская общность людей» [Бердяев, 1995, с. 132]. Ряд исследователей связывают генезис этого понятия с увлечением молодого Бердяева «легальным марксизмом», названным им впоследствии «духовной утопией» [Бердяев, 2013, с. 115] и от которого он, как и П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, «перейдет сперва к идеализму, а затем к религиозному мировоззрению и к русской интеллектуальной традиции, установленной Хомяковым, Достоевским и Соловьевым» [Полторацкий, 1963, с. 301]. Так описывает Бердяев духовное движение в России начала XX в.: «Это вместе с тем была борьба за личность, за полноту творческой жизни личности, подавленную социальностью. Личность, как свободный дух, была противопоставлена обществу и его притязаниям определять всю жизнь личности» [Бердяев, 1935в, с. 4].

Разработка персоналистских концепций экзистенциальной философии, которая означала для Бердяева выражение человечности мыслителя, «получившей метафизическое значение» [Бердяев, 2015, с. 257], продолжилась в произведениях эмиграционного периода – этому способствовали процессы, происходившие в западной философии в 20–40-х гг. XX в.: экзистенциалистская, персоналистская мысль стала заметным направлением в философии и культуре, хотя и не единым.

Убежденность в недостаточности учений о человеке, рассматривающих его как абстрактного индивида в соотношении с природой или обществом, а не как конкретную существующую личность, разделял и другой широко известный на Западе рус-

² Журнал «Esprit» («Дух» – франц.), основанный в октябре 1932 г. левым христианским философом-персоналистом, католиком Эмманюэлем Мунье (1905–1950), впоследствии стал печатным органом религиозно-философского объединения молодежи, «имевшей симпатию к персоналистической философии» [Бердяев, 2015, с. 328]. Журнал посвящал свои публикации идее о воплощении Царства Божия в земном мире через духовную реализацию человека. Таким образом его создатели хотели преодолеть «кризис типично европейского человека, родившегося вместе с буржуазным обществом» [Мунье, 1999, с. 524]. По свидетельству Мунье, принципы движения разделяла определенная часть его поколения [там же, с. 14].

³ Начиная с книги «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939) Бердяев вводит понятие «коммюнитарность», означающее «жизнь в Духе Святом» [Бердяев, 1996, с. 237]. Только духовная общность, по утверждению Бердяева, освобождает человека.

ский философ экзистенциального типа – Л. Шестов. Он остался другом Бердяева на всю жизнь, несмотря на споры и разные мирозерцания: Бердяеву был близок мотив его борьбы против власти «общего» над человеческой жизнью [Бердяев, 1938, с. 48]. Интенсивным было общение двух мыслителей и в Париже, причем «общение экзистенциальное, искание смысла» [Бердяев, 2015, с. 146]. Л. Шестов боролся за личность, за индивидуально неповторимое против власти общего: его работы пронизаны религиозной темой, вопросом отношений человека и Бога, и в то же время он был убежден в наличии у каждого человека своей личной истины. Источником его философии были человеческая трагедия, страдания и неизбежное одиночество личности, бросившей вызов социуму, миру, необходимости: наука и разум не могут претендовать на решение вопроса о Боге, об освобождении человека от трагического ужаса человеческой судьбы, утверждал мыслитель. «Он боролся против тирании разума, против власти познания, изгнавшего человека из рая, на территории самого познания, прибегая к орудиям самого разума. В этом трудность философии, которая хочет быть экзистенциальной. В обострении этой трудности я вижу заслугу Л. Шестова», – пишет о нем Бердяев [Бердяев, 1938, с. 48].

Критикуя новейшую философию за «роковое бессилие» [Бердяев, 1989, с. 18] соединить субъект с бытием, Бердяев настаивал на примате свободы (духовного начала в человеке, образующего его личность) над бытием, этики над объективной онтологией, не способной доказать верховную истину персонализма. Только в христианском духе создаются общество и культура, не истребляющие человека. По Бердяеву, «истина должна быть осуществляема в жизни» [Бердяев, 1932, с. 68]. В связи с этим мыслитель ставит вопрос о *религиозном* смысле творчества. Кризис современной философии и гносеологии, по его утверждению, может быть преодолен не иными их формами, а «новой жизнью, новым опытом» [там же, с. 31]. Безличное учение о прогрессе и эволюции, совершенно не чувствительное к личности и ее судьбе, философ относил к имперсонализму.

Подобного рода осмысления, как и в целом осознание социально-политического кризиса, назрели и во Франции в 20–30-х гг. XX в. Капитализм дегуманизировал общество, но фашизм и коммунизм усугубили это явление. Поэтому закономерно, что именно во Франции книга Бердяева «Новое средневековье» (1924), по словам самого мыслителя, имела наибольший успех и главным образом – «среди молодежи, в которой пробудились новые настроения и искания» [Бердяев, 1934а, с. 56]. Особо он подчеркивал, что искание социальной правды эта избранная молодежь связывала с христианством или во всяком случае с защитой духа и духовных основ жизни. Многие молодежные течения Франции искали религиозные основы нового социального строя, они хотели духовного оправдания свободы, основанной на Истине, что Бердяев характеризовал как «пробуждение христианской совести» [там же, с. 62].

«Христианство есть персонализм» [Бердяев, 2015, с. 351] – так характеризовал главную духовную борьбу своей жизни русский мыслитель. Христианский персонализм, полагающий личность и ее духовные ценности высшим смыслом цивилизации, оказался созвучным поискам западных интеллектуалов. Одной из центральных их тем, получившей особое звучание по мере нарастания фашизма в Европе 30-х гг., стало «вовлеченное существование», означающее «ответственное, осмысленное, творческое выполнение человеком своей миссии на Земле» [Мунье, 1995, с. 209].

Своей манифестацией персоналистической революции Бердяев попал в тон духовных поисков французской философской молодежи. В годы перед катастрофой Второй мировой войны мыслящая и идейная французская молодежь считала себя революционной и была враждебна буржуазно-капиталистическому миру. «И среди католиков многие читали с большим сочувствием мою книгу “Esprit et liberté”⁴, чем томистские книги» [Бердяев, 2015, с. 329], – вспоминал философ. Но было и

⁴ Книга «Философия свободного духа» (1927), заглавие которой переводится с французского языка как «Дух и свобода».

значительное различие между ними: он мыслил более радикально, его мирозерцание было более конфликтным и антиномическим, а его христианство – более эсхатологическим.

Вместе с оригинальным эсхатологическим смыслом идеи исторической судьбы, «русской критикой рационализма» [Красиков, 2007, с. 16] и оригинальным русским анархизмом, Бердяев предъявил Западу драматический опыт осознания мирового кризиса христианства. «В истории христианства очень часто утверждался бесчеловечный бог, и это и привело к появлению безбожного человека» [Бердяев, 2013, с. 446], – утверждает философ. Согласно мыслителю, реализация высшей идеи персонализма – новой христианской человечности, или богочеловечности, отрицаемой «застывшим сознанием» [Бердяев, 1994, с. 77], которое понимает христианство в сугубо судебном смысле, свершится персоналистической – великой и небывалой вечной христианской революцией во имя человеческой личности, – по сравнению с которой ничтожны любые революции в мире и которая будет означать освобождение субъектов-личностей⁵ через творческий прорыв к духовному миру.

В период обострившейся социальной борьбы, по утверждению философа, наиболее соответствует христианскому персонализму система *персоналистического социализма*. Он должен способствовать созданию бесклассового общества, с правом каждой человеческой личности на труд и на достойное человеческое существование, возможностью реализовать полноту жизни. Проблема в том, что социализация хозяйства не может сама по себе создать нового человека и братство между людьми, а капитализм искажает образ человека [Бердяев, 1933, с. 49].

И все же, несмотря на наличие социальной проекции эсхатологического персонализма Бердяева, ряд современных исследователей придерживается мнения, что личность для него имеет ценность только в плоскости духовного: французских же персоналистов волновала не только «абстрактная личность», но также реальный человек с его заботами и проблемами, «живущий в данном конкретном обществе и вынужденный участвовать в происходящих в нем процессах» [Pavlov, 2013, p. 311].

Особое место в философском наследии Бердяева периода эмиграции занимают статьи в журнале «Новый Град», издававшемся в Париже с 1931-го по 1939-й гг., главным редактором которого был христианский богослов и публицист Г.П. Федотов. В номере от 1933 г. Бердяев критически отметил, что «Новый Град» недостаточно борется за христианское понимание жизни, «которое в своей очищенности от поработающих социальных внушений есть персоналистическая революция» [Бердяев, 1933, с. 46]. Большое заблуждение он видел в соотношении журналом ценности личности и формальной свободы с преходящей секулярной либерально-демократической идеологией, где права человека сращены с правами гражданина.

В упрек «Новому Граду» он ставил и недостаточное сознание универсалистического характера эпохи, настаивая на главной глобальной задаче – «христианском перевоспитании душ» [там же, с. 57] для создания лучшего, более человеческого общества. Позже, в статье 1946 г., он назовет эту задачу «поиском новых духовных форм для христианского универсализма», «нового духовного единства» [Бердяев, 1996б, с. 261]. Федотов, принявший ряд его критических заключений, возразит: «...с персоналистической точки зрения, единственно возможный вывод – отказаться от построения лучшего общества» [Федотов, 1933, с. 88], потому что не одни социальные отношения определяют человека и личность, но также «страшная и неотменяемая личная свобода».

Персонализм Бердяева представляет собой дуалистическую философию, потому что, согласно его концепции, человек принадлежит двум мирам – земному и вечности, царству Божьему. «Обосновать персонализм, который имеет и свою социальную про-

⁵ Согласно концепции мыслителя, «Бог присутствует только в субъективности» [Бердяев, 2013, с. 358], основанной на персоналистическом принципе христианской соборности [Бердяев, 1995, с. 121]. Личность для Бердяева есть субъект, укорененный в мире духовном, и с ней связано призвание человека в мире. С экзистенциальной точки зрения, общество как объект является частью личности, ее социальной стороной, а космос – ее космической стороной.

екцию, возможно лишь в том случае, если мы признаем, что проблема человека первичнее проблемы общества» [Бердяев, 1935б, с. 4], – продолжает настаивать Бердяев в статье «Персонализм и марксизм» (1935), в которой также говорит о неизбежности трансцендирования мира, определяя личность как духовную категорию, поскольку она является образом и подобием Божиим. Поэтому в основе социальной проекции персонализма лежит «идея достоинства всякой человеческой личности, которая должна получить возможность себя реализовать» [там же, с. 7], чего ее лишают антиперсоналистические режимы. «Личность должна думать об обществе, о других, общество же должно исключительно думать о личности», – утверждал мыслитель. И выражаться это будет в религиозном созидании «новой жизни, нового бытия»⁶ [Бердяев, 1994, с. 449] как служении человека людям и раскрытии его подобия Творцу.

По замечанию Н.О. Лосского, «социальные теории Бердяева тесно связаны с его религиозной философией» [Лосский, 2007, с. 319]. В христианстве Бердяев находил ключ к разгадке смысла истории, которую он видел в эсхатологической перспективе. Эсхатологизм Бердяева, обостренный Первой мировой войной и революцией с ее беспощадностью к «свободе творческой духовной жизни» [Бердяев, 2010, с. 323], имеет метафизический источник. Уже в книге «Смысл истории» (1922) мыслитель представил разработку своей метафизики истории. История христианства, утверждает он, оказалась сплошной великой неудачей из-за ограниченной земной действительности, как и вся история с ее «истребляющим потоком времени» [Бердяев, 1990, с. 161], что указывает на призвание человека и человечества к высшей реализации своих сил через переход в сверх-исторический процесс, «в вечное время, в более высокую действительность» [там же, с. 157]. Поэтому положительный смысл истории для Бердяева заключается в ее неизбежном конце в экзистенциальном времени с явлением нового человека, нового общества и нового космоса в моменте извечной мистерии Духа⁷ [там же, с. 161]. «Французы очень часто упрекали и упрекают Бердяева в том, что надо быть уже верующим, чтобы следовать за ходом его мысли. Он философ для уже утвержденных в своей вере людей» [Маркадэ, 1975, с. 153], – замечает французский исследователь.

Одно из парижских собраний Союза для Истины (“Union pour la Vérité”, где шли споры по поводу новых книг по философии культуры и политики) было посвящено теме незадолго до того вышедшей на французском языке книги Бердяева «Судьба человека в современном мире» (1936). «Вообще – и это мнение до сих пор существует во Франции – Бердяева воспринимали как историка русской революции» [там же, с. 154–155], – пишет Ж. Маркадэ. Связанные с ней работы были лучше поняты, чем подлинная его философия. Неизданная переписка Бердяева с Мунье, увидевшим в нем «тесное соединение мистики и политики» [Мунье, 1999, с. 550], свидетельствует о высокой оценке работ философа французской общественностью.

И все же, по утверждению Маркадэ, Бердяев во Франции – главным образом знаток русских и советских проблем, что объясняется плохими, за редкими исключениями, французскими переводами книг мыслителя. Однако главная причина недооценки Бердяева во Франции, по его мнению, скрыта в различии подходов французских мыслителей и русского философа к духовным проблемам. Сам же Бердяев говорил о «замкнутости, закупоренности в своем типе культуры» [Бердяев, 2015, с. 298], поразивших его у французов.

⁶ В работах философа также встречается определение «творчество новой, лучшей, более человеческой жизни» [Бердяев, 1939–1940, с. 14].

⁷ Основывая свою интуицию на пневмоцентричности христианства, мыслитель понимал «Дух» в истории как высшую ступень антропологического (последнего) откровения Св. Троицы [Бердяев, 1989, с. 339], которое будет возрождением христианства, его исполнением в полноте жизни. Бердяев проводит различие между понятиями «Дух» и «Св. Дух». Это связано, прежде всего, с объективацией того, что часто относят к Св. Духу, т. е. определемостью его извне, от человеческой природы. Таким образом, «очищенное» философом понятие «Дух» предстает как равнозначное «Св. Дух».

Влияние на католических модернистов

Поиски нового религиозного сознания активно проявились и во французской культурной жизни, способствовав продуктивному взаимодействию русского философа с новыми католическими мыслителями Франции. В «Самопознании» Бердяев скажет, что общение с людьми Западной Европы, особенно встречи с западными христианами, были наиболее интересны для него. Прежде всего, это инициированные им интерконфессиональные собрания – встречи православных с французскими католиками и протестантами, – в течение нескольких лет происходившие в «русском доме» на Boulevard Montparnasse⁸ в Париже, а затем и в доме Бердяева. Говоря о возраставшей популярности собраний, философ поясняет: «Все сознавали, что мы представляем собой христианский оазис в безрелигиозной пустыне, в мире, христианству враждебном. На этих собраниях выяснилось основное единство во Христе и вместе с тем различие типов религиозной мысли и характеров духовности» [Бердяев, 2015, с. 307].

Особенно активен на них был неотомист Жак Маритен (1882–1973), профессор Католического института в Париже, с чьим именем связано обновление в XX столетии томизма – официальной философской доктрины католической церкви. Впоследствии Маритен будет руководить кружком по изучению томизма, в котором участвовал и Бердяев. Несмотря на разные типы философского мирозерцания, у мыслителей сложились весьма дружеские отношения, обусловившие плодотворный обмен идеями, становление общих подходов к рассмотрению культурно-исторического развития.

Общение с Бердяевым, предложившим глубоко оригинальный вариант мессианского⁹, сверхисторического постижения истории, повлияло на динамику становления взглядов Маритена. Во многом сходны их идеи, касающиеся оценки минувшей истории, кризиса постренессансной культуры и перспектив грядущего. В рассуждении об основаниях исторического парадокса, заключающегося в сцеплении «буржуазного мира» с социологической «проекцией» религии в западной культуре и унаследовании историческим христианством множества беззаконий [Маритен, 1999, с. 96], французский мыслитель приводит слова Бердяева о виновности «ложных христиан»¹⁰, не сумевших реализовать вечную и абсолютную истину и предавших ее, в плачевном положении христианского мира перед лицом коммунизма. Маритен утверждает, что Бердяев высказал «важные истины, к которым нечего добавить» [там же, с. 97], и характеризует его взгляды на социально-политические проблемы и историю как очень глубокие, хотя для него и неприемлема метафизика русского мыслителя.

С Маритеном, который впоследствии также находился в плодотворном контакте с Э. Мунье, Бердяев познакомился еще в 1925 г., в самом начале своего пребывания в Париже. Благодаря Маритену стали возможны собрания в доме русского философа, после того как стал ощущаться спад деятельности интерконфессиональных собра-

⁸ Можно предположить, что в этом доме – по крайней мере, на этой же улице – находилась редакция журнала «Путь», издававшегося Религиозно-философской академией с 1926-го по 1940-й гг. под редакцией Н.А. Бердяева.

⁹ Бердяев называл единственным истинным эсхатологический мессианизм ожидания «новой эпохи Духа» [Бердяев, 2013, с. 319], или «эпохи богочеловеческого творчества новой жизни и нового мира» [там же, с. 512], противоположный всем историческим теократиям и всем сакрализованным государствам. В его персоналистической метафизике эта концепция также носит название «активно-творческого эсхатологизма» (см. книгу «О рабстве и свободе человека»). Новая эпоха Духа как космическое и социальное преображение, духовное освобождение, означала бы ослабление иерархического авторитета в земном мире. Согласно позиции мыслителя, Дух Святой присутствует в свободе, в духовно замечательных, гениальных людях, а не во власти.

¹⁰ В книге «Религия и культура», вторая часть которой была опубликована в 1933 г., Ж. Маритен ссылается на работу: *Berdiaeff N.A. Problème du communisme*. Paris: Desclée de Brouwer, 1933. P. 47.

ний с католиками и протестантами. Общение с французским мыслителем, напоминавшим ему русского интеллигента, для Бердяева было наиболее легко ввиду «более обширного горизонта и интереса к самым различным темам» [Бердяева, 2002, с. 167].

Вероятно, русского философа притягивал мистицизм Маритена, которого он считал редким французом без признаков национализма, восприимчивость мыслителя к новым течениям времени. В прошлом анархист и материалист, ставший ортодоксальным католиком и свирепым критиком модернизма, французский мыслитель прощал Бердяеву совсем не ортодоксальные мысли. Позже Маритен, как признает Бердяев, сделавший большие усилия, чтобы «выйти за пределы замкнутой латинской культуры, раскрыться для других миров» [Бердяев, 2015, с. 312], станет вождем «левых» течений во французском католичестве – и в этом «правые», враждебные ему, католики усматривали влияние Бердяева.

Стоит заметить, что для Маритена было характерно экзистенциальное прочтение томистского учения о бытии. В статье о французском мыслителе Бердяев пишет: «Неотомизм быть может единственное философское течение в современной Франции, которое верит в Бытие и знает, за какую реальность оно борется» [Бердяев, 1925, с. 171]. Между тем сдвиг «духовно влево» [Бердяева, 2002, с. 116], освобождение от слишком ортодоксального томизма происходило у обоих мыслителей, как следует из слов самого русского философа.

Предметом бесед в доме Бердяева, организованных впоследствии при участии Маритена и вызывавших большой интерес, стали мистические темы, связанные с духовной жизнью. Насыщенное общение русского мыслителя в эмиграции с европейцами отмечено и знаменитыми парижскими философскими собраниями по пятницам у Габриеля Марселя, основоположника католического экзистенциализма, с обсуждением проблем феноменологии и экзистенциальной философии. По признанию Мунье, Марсель в определенной мере предвосхитил персоналистское мышление.

В мемуарах и переписке интеллектуалов Франции и России прослеживается заметное воздействие Бердяева на экзистенциально-персоналистское философствование Франции, в том числе и на Марселя. Быстрое внутреннее сближение Бердяева с Марселем стало значимым событием, своего рода символической встречей России и Европы, их интеллектуальных традиций в этот сложный период истории. Как замечают исследователи, «западу интересен был наш религиозно-нравственный подъем, глубокая этическая проблематика, историософия, сюжеты эсхатологические и пророческие» [Визгин, 2010, с. 116].

Объединение “Esprit” и полемика с Мунье

Особо велико оказалось влияние Бердяева на французскую молодежь 30-х гг. XX столетия, а именно на журнал “Esprit”, сформировавший пространство диалога молодой интеллигенции, близкой к «персоналистическому социализму» [Бердяев, 1935а, с. 91]. Привлекает внимание то, как персоналистическая метафизика и персоналистическая этика¹¹ Бердяева, понимающего существование личности как «отношение любви и жертвы» [Бердяев, 2010, с. 96] касательно других, личности Бога, общества людей, повлияли на развитие темы реализации личности, заявленной Мунье в его программном труде – «Персоналистская и общностная революция» (1935) и ставшей одной из главнейших тем французского персонализма. В нем он пишет о трех главных видах действия при формировании личности: поисках призвания, вовлечения и самораскрытия как готовности к самопожертвованию, т. е. посвящению себя «более высокому сообществу, зов которого она услышала и которое объединяет отдельные личности» [Мунье, 1999, с. 60].

¹¹ Нравственная жизнь, настаивал Бердяев, должна быть понята по образу Божественной Троичности, отраженной в мире: личность должна выходить из себя, преодолевать себя – такой она задана Богом.

Хотя Мунье не соглашался с трактовкой Бердяевым проблемы объективации¹², делая акцент на идее «воплощения в труде» [там же, с. 5] во внешнем мире, в «Манифесте персонализма» (1936) он определяет реализацию личности как тягу к одухотворению. «Вслед за Бердяевым можно сказать, что жить как личность – значит беспрерывно переходить из той зоны, где духовное оказывается объективированным, натурализованным (то есть от внешнего к внутреннему: от механического, биологического к социальному, психологическому, моральному), к экзистенциальной реальности субъекта» [там же, с. 306–307], – утверждает он.

Стоит отметить, что исследователи творчества Бердяева прежде фокусировали свое внимание на влиянии его персоналистического учения на объединение вокруг “Esprit” и на Мунье. Интеллектуальный обмен с иными значимыми мыслителями Европы оказался изучен в меньшей степени. Действительно, журнал “Esprit” и кружки вокруг него представляли наиболее близкое идеям Бердяева направление, по его собственной оценке, заслуживавшее всяческого сочувствия. Он сам и представители движения отмечали, что оно многим было обязано ему. Из дневников Л. Бердяевой, рассказывающей о докладах философа на собраниях “Esprit” в 1934 г., следует: «Молодежь “Esprit” его очень ценит, и Ни чувствует себя там в своей среде, увы!, не так, как среди молодежи русской» [Бердяева, 2002, с. 59].

Движение “Esprit” объединяло левых католиков, протестантов и людей спиритуалистического направления, не принадлежавших к определенной конфессии. «В журнале почти исключительно писала молодежь, и лишь изредка появлялись статьи старшего поколения, Маритена, мои и других, – вспоминает философ. <...> Молодежь “Esprit” имела симпатию к персоналистической философии, которой я был самым радикальным представителем, защищая социальную проекцию персонализма, близкого к социализму не марксистского, а прудоновского типа. Эту точку зрения назвали коммунотарным персонализмом» [Бердяев, 2015, с. 328].

На первом собрании, где был учрежден ежемесячный журнал, «молодежь требовала, чтобы в нем защищали человека и человечность» [там же]. Его участниками была поставлена цель по выработке социальной программы на духовных основах. В первом номере 1932 г. Бердяев опубликовал статью «Правда и ложь коммунизма (К пониманию религии коммунизма)», которую Мунье сразу отметил как одну из наиболее содержательных. Ее автор усматривал истоки торжества лжи коммунизма в неисполненном долге христиан, которые должны были осуществить правду коммунизма. В этой статье, по справедливому утверждению швейцарского исследователя персонализма П. де Сенарклана, «со всей очевидностью отразилось отношение создателей журнала к марксистской идеологии» [Senarclens, 1974, p. 93].

Статья Бердяева достаточно точно отражала отношение основателей журнала к марксистской идеологии. «Будучи атеистической, коммунистическая идеология все равно является для Бердяева проявлением духовного порядка, идеологией сущностно религиозной, и даже христианской. Вместе с тем, коммунизм при этом содержит в себе неприемлемую ложь, более значимую, чем все его маленькие “правды”: отрицание Бога», – пишет исследователь [ibid, p. 93]. На одном из собраний “Esprit” в декабре 1934 г. в прениях с молодым марксистом-коммунистом Бердяев сказал: «Вы защищаете рабочий класс, массы. Мне же интересны не классы, не массы, а живые люди, не отвлеченные идеи, а каждый человек, судьба каждой человеческой личности» [Бердяева, 2002, с. 59].

Журнал преимущественно был посвящен вопросам социальным и политическим («фашизма», «труда», «собственности» и др.), отчасти вопросам искусства, которые должны были выражать главные требования персонализма; были организованы группы “Esprit” по вопросам философии, осмысления марксизма, выработки различных

¹² Объективацию Бердяев противопоставляет существованию и свободе духа. Антиперсоналистичную объективацию [Бердяев, 1995, с. 25], означающую отчуждение личности, он трактует как выброшенность существования вовне, противоположную трансцендированию.

аспектов программы. Темой шестого номера была центральная для журнала проблема – разрыв христианства с буржуазным миром. Этому хотела вся христианская молодежь Франции, усматривавшая в буржуазном католичестве измену Христу. Один из западных исследователей так оценивал значение объединения “Esprit”: «Интеллектуальное любопытство, стремление к социальному прогрессу и духовная гибкость – это то, что их характеризовало. <...> Их вклад в развитие Французской Церкви был, скорее, духовным и стратегическим, нежели философским. <...> Их влияние огромно в интеллектуальной истории современной Франции» [Hellman, 1973, p. 385–386].

И все же это движение ограничивалось интеллигенцией, его социальное влияние было слабым. «Все, что происходило во Франции и Европе, двигалось в направлении, обратном пожеланиям “Esprit”, и влекло к катастрофам» [Бердяев, 2015, с. 329]. Более того, старые левые революционные направления, стоявшие на почве идей XVIII и XIX вв., относились во Франции с «просветительной» враждой к религии и духу, принимали новые течения за реакционные.

В статье «Нового Града» 1934 г. Бердяев пояснит, что “Esprit” призывал, прежде всего, к духовной революции и лишь в связи с ней к революции социальной – т. е. персоналистической, во имя человеческой личности. «Перед революцией, которая происходит в мире, стоит не только проблема *communauté*¹³, но и проблема *personnalité*¹⁴, и обе проблемы между собой связаны», – пишет мыслитель [Бердяев, 1934а, с. 60]. И бороться, утверждает он, нужно не только против буржуазности в социальном смысле, но и против буржуазности в духовном смысле. Для Мунье и “Esprit”, говорит Бердяев, «личность может реализовать себя лишь в *communauté*, в общине» [Бердяев, 1935а, с. 90]. Подлинная революция, считал русский мыслитель, осуществится нарождением новых поколений, людей, признающих дух, – пока что она совершается в кругах интеллигенции. Причину слабости духовно-социальных течений философ видел в непродуманности средств сделать эти идеи силой, направляющей социальную жизнь. Как осуществить более высокую правду средствами более чистыми – в этом Бердяев видел основной вопрос христианского сознания, в том числе и для молодежи Франции.

Представляется важным также остановиться на малоизученной фигуре еще одного персоналиста, близкого католичеству антропологической ориентации, – Пауля Ландсберга (1901–1944). Ландсберг, ученик Макса Шелера, эмигрировал из Германии после 1933 г. и погиб в 1944 г. в концлагере. В 1928–1933 гг. он был приват-доцентом Боннского университета, в 1934–1936 гг. – профессором философии университета Барселоны. Он часто бывал на собраниях в доме Бердяева, в «философской группе» [Vambauer, 1990], сформировавшейся вокруг русского философа, Г. Марсея и др. Оба мыслителя участвовали с докладами и в дискуссиях “Esprit” в один и тот же период: Бердяев – с 1932 г., Ландсберг – с 1934.

Мунье относил Ландсберга к экзистенциалистскому направлению, «близкому персонализму» [Мунье, 1999, с. 468], помещая его в контексте этой характеристики в один ряд с Бердяевым, Рикёром и Недонселем. По его признанию, статьи немецкого мыслителя «Размышления о личностном вовлечении» (1937) и «Смысл действия» (1938), опубликованные в “Esprit”, стали важнейшим поворотным пунктом в истории этого движения. По оценке Мунье, благодаря Ландсбергу в “Esprit” в конечном счете были отвергнуты соблазны уйти в утопические и абстрактные размышления – вместо этого его представители «воспользовались интересными элементами экзистенциального философствования до того, как оно стало модным» [Escribano, 2015, p. 14].

Западные исследователи высоко оценивают значение Ландсберга в контексте оформления персонализма как неакадемического философского направления. Немецкий мыслитель развивал «чрезвычайно плодотворное» [Rauch, 1972, p. 86] сотрудничество с “Esprit” с 1934 г. Как признавал П. Рикёр, в философии Франции роль Ландсберга сопоставима со вкладом Мунье.

¹³ Общность (франц.).

¹⁴ Личность (франц.).

Можно усмотреть влияние концепции Бердяева об активности положительно направленного творческого духа, выражающейся в реализации божественной сущности в личности, на формирование одной из основных идей Ландсберга об осознанном вовлечении человека [Landsberg, 1998, p. 119] в исторический процесс, который не может быть определен как фатальная последовательность действий. Философ был убежден, что западный дух парализован фальшивым превосходством тех, кто ставит себя вне мира. Вовлеченная же личность, ориентированная на свой цельный образ, реализует свою человечность в избранном направлении собственного исторического призвания и этим обретает свободу.

Вовлечение, по Ландсбергу, представляет собой творчество цельного человека, избравшего в гармонии воли и разума свой путь. Подлинное вовлечение является решающей ценностью для персоналистского сознания, утверждает философ. Ему он противопоставляет позицию ставшего «чумой» эпохи [ibid., p. 122] **отвлеченного разума**, претендующего на нейтральное и непредвзятое восприятие истории. По мнению Ландсберга, такая точка зрения радикально отделена от абсолютной личности и не может более удовлетворять людей эпохи социальных и исторических кризисов, переживающих одновременно и личностный кризис.

Влияние Бердяева на Ландсберга закономерно предположить с учетом экзистенциалистского типа персонализма, характерного для обоих мыслителей, а также их близости к Шелеру и описанного пространства общения в Париже. На антропологические разработки Макса Шелера, с которым у русского философа были точки соприкосновения, Бердяев не раз ссылался в своих работах, поскольку находил в его книгах некоторые свои мысли, по-иному выраженные, защищающие ценность конкретной неповторимой личности как высшую иерархическую ценность. «М. Шелеру принадлежит интересное учение о личности. Он пожелал построить чисто персоналистическую этику. Философская антропология, которая должна обосновывать этику, очень бедна, и М. Шелер – один из немногих философов, которые что-то для нее сделали» [Бердяев, 2010, с. 94–95] – так отзывался Бердяев о Шелере, с которым встречался в ходе визитов немецкого мыслителя в Париж.

Подводя некоторые итоги, подчеркнем, что столь насыщенный внутренними и внешними событиями творческий опыт Бердяева эмигрантского периода в динамике развертывания его персоналистической философии требует специального рассмотрения в контексте европейской мысли. Настоящий сюжет представляется весьма важным, поскольку отголоски манифеста христианского персонализма, отторгающего буржуазную эпоху, звучали в работах и других мыслителей XX в. Среди них назовем наследие немецкого ученого, доктора теологии Вольфганга Дитриха фон Гильдебранда (Dietrich von Hildebrand, 1889–1977) [Crosby, 2006], написавшего пять томов уникального исследования о Бердяеве “Provokation der Person. Nikolai Berdjaew in den Impulsen seines Denkens”.

Идеи французского персонализма стимулировали переориентацию официальной доктрины католицизма, вынужденного изыскивать новые формы присутствия церкви в мире. Начиная с пасторской конституции 1965 г. «О церкви в современном мире», персоналистские принципы в различных версиях нашли отражение в документах Ватикана. Экзистенциальный персонализм Бердяева в этом интеллектуальном и духовном движении России и Европы – один из философских ответов, который возвращает человека современной культуры к вопросу о себе самом – к вопросу о поиске нового духовного универсализма.

Список литературы

- Бердяев, 1939–1940 – *Бердяев Н.А.* Война и эсхатология // Путь. 1939–1940. № 61. С. 3–14.
Бердяев, 1978 – *Бердяев Н.А.* Выдержки из записной книжки Н.А. Бердяева (сделаны Е.Ю. Рапп) // Вестн. рус. христиан. движения. Париж; Нью-Йорк; Москва. 1978. № 124. С. 109–124.

- Бердяев, 1932 – *Бердяев Н.А.* Духовное состояние современного мира // *Путь*. 1932. № 35. С. 56–68.
- Бердяев, 1934а – *Бердяев Н.А.* Искание социальной правды молодой Францией // *Новый Град*. 1934. № 9. С. 56–64.
- Бердяев, 1996а – *Бердяев Н.А.* Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1996. 383 с.
- Бердяев, 1996б – *Бердяев Н.А.* Личность и общинность (коммунотарность) в русском сознании // *Бердяев Н.А.* На пороге новой эпохи. Сб. ст. (1945–1947). СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1996. С. 235–261.
- Бердяев, 1925 – *Бердяев Н.А.* Неотомизм // *Путь*. 1925. № 1. С. 169–171.
- Бердяев, 2010 – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. 478 с.
- Бердяев, 2013 – *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики: Сб. науч. тр. 1937–1948. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 656 с.
- Бердяев, 1935а – *Бердяев Н.А.* О религиозном социализме (Книги Ragaz’a и Mounier) // *Путь*. 1935. № 49. С. 86–91.
- Бердяев, 1938 – *Бердяев Н.А.* Основная идея философии Л. Шестова // *Путь*. 1938. № 58. С. 44–48.
- Бердяев, 1933 – *Бердяев Н.А.* О социальном персонализме. К критике «Нового Града» // *Новый Град*. 1933. № 7. С. 44–60.
- Бердяев, 1935б – *Бердяев Н.А.* Персонализм и марксизм // *Путь*. 1935. № 48. С. 3–19.
- Бердяев, 2015 – *Бердяев Н.А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 416 с.
- Бердяев, 1990 – *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
- Бердяев, 1994 – *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа / Предисл. А. Мысливченко. М.: Республика, 1994. 480 с.
- Бердяев, 1989 – *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества / Предисл. Л.В. Полякова. М.: Правда, 1989. 601 с.
- Бердяев, 1995 – *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря / Предисл. П.В. Алексева. М.: Республика, 1995. 383 с.
- Бердяев, 1934б – *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж: YMCA-Press, 1934. 190 с.
- Бердяева, 2002 – *Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М.: Мол. гвардия, 2002. 262 с.
- Визгин, 2010 – *Визгин В.П.* Николай Бердяев и Габриэль Марсель: к феномену встречи // *Вопр. философии*. 2010. № 3. С. 110–119.
- Красиков, 2007 – *Красиков В.И.* Бердяев и европейская философия 20–40 гг. XIX в. // *Н.А. Бердяев и единство европейского духа* / Под ред. В.Н. Поруса. М.: Библейско-богослов. Ин-т св. апостола Андрея, 2007. С. 11–16.
- Лосский, 2007 – *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Акад. проект, 2007. 551 с.
- Маритен Ж., 1999 – *Маритен Ж.* Знание и мудрость / Пер. с фр. Л.М. Степачева. М.: Научный мир, 1999. 244 с.
- Маркадэ, 1975 – *Маркадэ Ж.* Проникновение русской мысли во французскую среду. Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов // *Русская религиозно-философская мысль XX века* / Сост. и ред. Н.П. Полторацкий. Питтсбург, 1975. С. 150–163.
- Мунье, 1999 – *Мунье Э.* Манифест персонализма / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. 559 с.
- Мунье, 1995 – *Мунье Э.* Надежда отчаявшихся / Пер. с фр. и примеч. И.С. Вдовиной. М.: Искусство, 1995. 237 с.
- Полторацкий, 1963 – *Полторацкий Н.П.* «Вехи» и русская интеллигенция // *Мосты*. 1963. № 10. С. 292–304.
- Федотов, 1933 – *Федотов Г.П.* Ответ Н.А. Бердяеву (О статье Н.А. Бердяева «О социальном персонализме. К критике “Нового града”», помещенной там же) // *Новый град*. 1933. № 7. С. 81–88.
- Шаховской, 1931 – *Иоанн (Шаховской) архиеп.* О назначении человека и о путях философа // *Путь*. 1931. № 31. С. 53–69.
- Vambauer, 1990 – *Vambauer K.* The Letters of Nikolaj Berdjajew to Fritz Lieb. 1990. URL: http://www.berdyaev.com/berdiaev/bambauer/Fritz_Lieb.html#cn (дата обращения: 10.10.2016).

Clément, 1991 – *Clément O.* Berdiaev. Un philosophe russe en France. P.: Desclée de Brouwer, 1991. 243 p.

Crosby, 2006 – *Crosby J.* The witness of Dietrich von Hildebrand // *First Things*. 2006. December. URL: <https://www.firstthings.com/article/2006/12/the-witness-of-dietrich-von-hildebrand> (дата обращения: 11.10.2016).

Escribano, 2015 – *Escribano X.* Paul Ludwig Landsberg, a Knight Errant of the Spirit in Barcelona // *Journal of Catalan Intellectual History*. 2015. No. 9–10. P. 9–34.

Hellman, 1973 – *Hellman J.* The Opening to the Left in French Catholicism: The Role of the Personalists // *Journal of the History of Ideas*. 1973. Vol. 34. No. 3. P. 381–390.

Landsberg, 1998 – *Landsberg P.L.* Réflexions sur l'engagement personnel // *Vingtième Siècle, revue d'histoire*. Vol. 60. No. 1. P. 118–123.

Pavlov, 2013 – *Pavlov V.* Personalism of Nikolai Berdyaev's Philosophy and French Personalism // *Russian Thought in Europe: Reception, Polemics and Development* / Eds.: T. Obolevitch, T. Homa, J. Bremer. Krakow: Wydawnictwo Ignatianum – Wydawnictwo WAM, 2013. P. 307–317.

Rauch, 1972 – *Rauch W.* Politics and Belief in Contemporary France: Emmanuel Mounier and Christian Democracy, 1932–1950. The Hague: Springer Netherlands, 1972. 351 p.

Senarclens, 1974 – *Senarclens P.* Le mouvement "Esprit" 1932–1941: essai critique. Lausanne: L'âge d'homme, 1974. 370 p.

N.A. Berdyaev's Concept of Person's Supreme Value in Context of Personalism in France in the First Half of the 20th Century

Albina Bulatova

Post-graduate student, School of Philosophy, Faculty of Humanities. National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., 105066, Moscow, Russian Federation; e-mail: abulatova@hse.ru

The paper examines the intellectual heritage of a remarkable Russian philosopher Nicholas Berdyaev's (1874–1948), known as personalist according to his religious metaphysics, who dwelled on the concept of God-Man and humane society. His communitarian personalism, developed in texts of emigration period, had profound influence on the philosophical search of French intellectuals, existential thinkers and catholic modernists. The article reveals religious-philosophical sources of Berdyaev's and his European associates' thought, their fruitful discussions and interaction. The author tries to reconstruct the philosophical context of this period. One of the major aims is showing the ways of philosophical dialogue between Berdyaev, as the most recognized Russian thinker in the West, and the catholic philosophers-personalists. The article also considers ontological distinguishing features of Berdyaev's personalism and its social projections.

Keywords: metaphysical personalism, existentialism, spiritual universalism, Christian eschatology, neo-thomism, religious creative act, freedom

References

Bambauer, K. *The Letters of Nikolaj Berdjajew to Fritz Lieb*. Basel, 1990. Available at: http://www.berdyaev.com/berdiaev/bambauer/Fritz_Lieb.html#cn (accessed 10.10.2016).

Berdyaev, N. *Carstvo Duha i carstvo Kesarja* [The Kingdom of God and the Kingdom of Caesar], pref. by P. Alekseyev. Moscow: Respublika Publ., 1995. 383 pp. (In Russian)

Berdyaev N. Duhovnoe sostojanie sovremennogo mira [Spiritual State of Modern World], *Put'*, 1932, no. 35, pp. 56–68. (In Russian)

Berdyaev, N. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the Free Spirit], pref. by A. Myslivchenko. Moscow: Respublika Publ., 1994. 480 pp.

Berdyaev, N. *Filosofiya svobody. Smysl tvorcestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creative Act], pref. by L. Polyakov. Moscow: Pravda Publ., 1989. 601 pp. (In Russian)

- Berdyayev, N. "Iskanie sotsial'noi pravdy molodoi Frantsiei" [Seeking of Social Truth by French Youth], *Novyi Grad*, 1934, no. 9, pp. 56–64. (In Russian)
- Berdyayev, N. *Istina i otkrovenie* [Truth and Revelation]. St.-Petersburg: Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 1996, 383 pp. (In Russian)
- Berdyayev, N. "Lichnost' i obshchinnost'" [A Personality and Communitality], in: Berdyayev N. *Na poroge novoj jepohi. Sbornik statei 1945–1947* [On the Threshold of a New Era. A Collection of Articles 1945–1947]. St.-Petersburg: Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., pp. 156–326. (In Russian)
- Berdyayev, N. "Neotomizm" [NeoThomism], *Put'*, 1925, no. 1, pp. 169–171. (In Russian)
- Berdyayev N. *O naznachanii cheloveka* [The Destiny of Man]. Moscow: AST; Astrel'; Poligrafizdat Publ., 2010. 478 pp. (In Russian)
- Berdyayev, N. "O religioznom sotsializme (Knigi Rogaz' i Mounier)" [About Religious Socialism (the Books of Rogaz and Mounier)], *Put'*, 1935, no. 49, pp. 86–91. (In Russian)
- Berdyayev, N. "O sotsial'nom personalizme. K kritike 'Novogo Grada'" [About Social Personalism. Critique of "New City"], *Novyi grad*, 1933, № 7, pp. 44–60. (In Russian)
- Berdyayev, N. *Opyt eskhatologicheskoi metafiziki: Sbornik nauchnykh trudov 1937–1948* [Essay on Eschatological Metaphysics: edited vol. 1937–1948]. Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2013. 656 pp. (In Russian)
- Berdyayev, N. "Osnovnaja ideja filosofii L'va Shestova" [The fundamental Idea of the Philosophy of Lev Shestov], *Put'*, 1938, no. 58, pp. 44–48. (In Russian)
- Berdyayev, N. "Personalizm i marksizm" [Personalism and Marxism], *Put'*, 1935, no. 48, pp. 3–19. (In Russian)
- Berdyayev, N. *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. St.-Petersburg: Azbuka, Azbuka- Attikus Publ., 2015. 416 pp. (In Russian)
- Berdyayev, N. "Vojna i jeshatologija" [War and Echatology], *Put'*, 1939–1940, no. 61, pp. 3–14. (In Russian)
- Berdyayev, N. "Vyderzhki iz zapisnoi knizhki N. A. Berdyayeva (sdelany E. Y. Rapp)" [Excerpts from N. A. Berdyayev's Notebook (comp. by E. Y. Rapp)], *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya* [Herald of the Russian Christian Movement], 1978, no. 124, pp. 109–124. (In Russian)
- Berdyayev, N. *Ya i mir ob"ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya*. [Solitude and Society]. Paris: YMCA-Press, 1934. 190 pp. (In Russian)
- Berdyayev, N. *Smysl istorii* [The Meaning of History]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 175 pp. (In Russian)
- Berdyayeva, L. *Professiya: zhena filosofa* [The Calling: Philosopher's Wife], ed. and preface by E. V. Bronnikova. Moscow: Mol. Gvardiya Publ., 2002. 262 pp. (In Russian)
- Clément, O. *Berdiaev. Un philosophe russe en France*. Paris: Desclée de Brouwer, 1991. 243 pp.
- Crosby, J. "The witness of Dietrich von Hildebrand", *First Things*, 2006 (December). Available at: <https://www.firstthings.com/article/2006/12/the-witness-of-dietrich-von-hildebrand> (accessed 11.10.2016).
- Escribano, X. "Paul Ludwig Landsberg, a Knight Errant of the Spirit in Barcelona", *Journal of Catalan Intellectual History*, 2015, no. 9–10, pp. 9–34.
- Fedotov, G. "Otvét N. A. Berdyayev" [Response to N. A. Berdyayev], *Novyi grad*, 1933, no. 7, pp. 81–88. (In Russian)
- Hellman, J. "The Opening to the Left in French Catholicism: The Role of the Personalists", *Journal of the History of Ideas*, 1973, vol. 34, no. 3, pp. 381–390.
- Ioann (Shakhovskoi) arkhiep. "O naznachanii cheloveka i o putyakh filosofa" [About man's Destiny and Philosopher's Ways], *Put'*, 1931, no. 31, pp. 53–69. (In Russian)
- Krasikov, V. "Berdyayev i evropeiskaya filosofiya 20–40 gg. XIX v." [Berdyayev and European Philosophy in 20–40s 20th century], in: *N.A. Berdyayev i edinstvo evropeiskogo dukha*, ed. by V. Porus. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreyia Publ. (Religioznye mysliteli), 2007, pp. 11–16.
- Landsberg, P. L. "Réflexions sur l'engagement personnel", *Vingtième Siècle, revue d'histoire*, vol. 60, no. 1, pp. 118–123.
- Lossky, N. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2007. 551 pp. (In Russian)
- Marcade, J. "Proniknovenie russkoi mysli vo frantsuzskuyu sredu. N. A. Berdyayev i L. I. Shestov" [Inspiration by the Russian Thought for the French Community], in: *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka*, ed. by N. P. Poltoratskii. Pittsburg, 1975, pp. 150–163. (In Russian)

Maritain, J. *Znanie i mudrost'* [Science and Wisdom], trans. by L. Stepacheva. Moscow: Nauchnyj mir Publ., 1999. 244 pp. (In Russian)

Mounier, E. *Manifest personalizma* [Personalism Manifesto], trans. and preface by I. S. Vdovina. Moscow: Respublika Publ. (Mysliteli XX veka), 1999. 559 pp. (In Russian)

Mounier, E. *Nadezhda otchayavshikhsya* [The Hope of Despaired], trans. by I. S. Vdovina. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995. 237 pp. (In Russian)

Pavlov, V. "Personalism of Nikolai Berdyaev's Philosophy and French Personalism", in: *Russian Thought in Europe: Reception, Polemics and Development* / Eds. T. Obolevitch, T. Homa, J. Bremer. Krakow: Wydawnictwo Ignatianum – Wydawnictwo WAM, 2013, pp. 307–317.

Poltoratskii, N. P. "Vekhi' i russkaya intelligentsiya" ["Vekhi" and Russian Intellectuals], *Mosty*, 1963, no. 10, pp. 292–304. (In Russian)

Rauch, W. *Politics and Belief in Contemporary France: Emmanuel Mounier and Christian Democracy, 1932–1950*. The Hague: Springer Netherlands, 1972. 351 pp.

Senarclens, P. *Le mouvement "Esprit" 1932-1941: essai critique*. Lausanne: L'age d'homme, 1974. 370 pp.

Vizgin, V. "Nicolai Berdyaev i Gabriel Marcel: k fenomenu vstrechi" [Nicolas Berdyaev and Gabriel Marcel: Toward Phenomenon of the Meeting], *Voprosy filosofii*, 2010, no. 3, pp. 110–119. (In Russian)